

10 класс

Задание 1

Выполните целостный анализ **ОДНОГО** из предложенных произведений (либо прозаического, либо стихотворного).

Юлия Друнина (1924 – 1991)

Болдинская осень

Вздыхает ветер. Штрихует степи
Осенний дождик — он льет три дня...
Седой, нахохленный, мудрый стрепет
Глядит на всадника и коня.
А мокрый всадник, коня пришпоря,
Летит намётом по целине.
И вот усадьба, и вот подворье,
И тень, метнувшаяся в окне.
Коня — в конюшню, а сам — к бумаге.
Письмо невесте, письмо в Москву:
«Вы зря разгневались, милый ангел, —
Я здесь как узник в тюрьме живу.
Без вас мне тучи весь мир закрыли,
И каждый день безнадежно сер.
Целую кончики ваших крыльев
(Как даме сердца писал Вольтер).
А под окном, словно верный витязь,
Стоит на страже крепыш дубок...
Так одиноко! Вы не сердитесь:
Когда бы мог — был у ваших ног!
Но путь закрыт госпожой Холерой...
Бешусь, тоскую, схожу с ума.
А небо серо, на сердце серо,
Бред карантина — тюрьма, тюрьма...»
Перо гусиное он отбросил,
Припал лицом к холодку стекла...
О злая Болдинская осень!
Какою доброю ты была —
Так много Вечности подарила,
Так много русской земле дала!..
Густеют сумерки, как чернила,
Сгребают листья ветров метла.
С благоговеньем смотрю на степи,
Где он на мокром коне скакал.
И снова дождик, и снова стрепет —
Седой, всё помнящий аксакал.

Выполните целостный анализ произведения Ю. Друниной. При анализе примите во внимание следующие особенности его содержания и формы: значение включения прямой речи для раскрытия смысла стихотворения, отсутствие в стихотворении имён «всадника» и его невесты, смысл названия произведения и противопоставления «злой» / «доброй» осени. Поясните биографический и творческий контекст, создающий образ героя. Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Нина Сергеевна Литвинец (р. 1947)

Антиквар

Деньги кончились неожиданно. Еще вчера Анну Вячеславовну радовал приятный шорох купюр в издававшем виды портмоне, а сегодня во всех его отделениях она смогла обнаружить только одну мятую пятидесятирублевку. До пенсии оставалось больше недели. Анна Вячеславовна постаралась сосредоточиться, припоминая, на что умудрилась потратить столь значительную — по ее представлениям — сумму. Впрочем, и так было ясно. Когда она поскользнулась на схваченной гололедом плитке возле универсама (так Анна Вячеславовна по старой памяти называла ближайший супермаркет), какой-то добрый человек отвез ее на своей машине в ближайший травмопункт. Там определили растяжение связок и велели ногу не нагружать, делать компрессы и мазать специальной мазью. Мазь оказалась дорогущая, да еще из травмопункта до дома пришлось добираться на такси, которое ей любезно заказали в регистратуре. Такси стоило немислимых денег. А перед этим она еще навестила подругу, такую же вдовствующую старушку, как она, принесла ей дорогих «мишек» из прошлого времени (Катя всегда была сластеной, при этом сахар у нее был в норме, не то что у Анны Вячеславовны) и несколько штук ярко-оранжевых мандаринов. Когда она лежала дома с растяжением, пришлось дополнительно заплатить соцработнику за уборку — Анна Вячеславовна терпеть не могла неухоженности, отличающей квартиры многих пожилых людей. Да еще сразу после пенсии порадовала себя рокфором, ставшим после введения санкций невероятно дорогим, и маленьким пакетиком свежемолотого, восхитительно пахнущего кофе. А вчера покупала продукты. Вот и набежало.

Конечно, можно было позвонить сыну в Ленинград (к Санкт-Петербургу Анна Вячеславовна так и не смогла привыкнуть) и попросить прислать денег, он бы прислал наверняка, немедленно. Но Анна Вячеславовна просить и одалживаться не любила. Вместо этого она принялась размышлять, как на пятьдесят рублей прожить оставшиеся до пенсии дни. И прожила бы — картошки, круп, чая и сахара в доме было достаточно. Но сегодня утром она обнаружила, что в пластинке ежедневно принимаемого арифона осталось только две таблетки, да и валокордин, без которого давно уже не заснуть, заканчивался. Необходимо было что-то придумать.

Она присела на диван и обвела взглядом гостиную. Следовало что-то продать из содержимого большой, внушающей почтение горки. Сын просил никогда этого не делать, сразу обращаться к нему, но Анна Вячеславовна была уверена, что он и не заметит отсутствия какой-нибудь изящной чашки или молочника. К вещам сын был равнодушен, единственное, что вызывало в нем трепет, — книги. А книг у Анны Вячеславовны было достаточно. Главной ее радостью было чтение, а не телевизор, как у большинства стариков. Телевизор Анна Вячеславовна терпеть не могла из-за рекламы и смотрела только иногда канал «Культура», там рекламы не было. Но хорошие старые фильмы и там показывали редко.

Анна Вячеславовна выбрала статуэтку давнишнего немецкого производства, тщательно протерла и упаковала в несколько слоев старых газет. Потом отправилась в комиссионный магазин (он так и назывался — «Комок»), к счастью, расположенный совсем недалеко. Однажды в такой ситуации она уже продала там кобальтовый кофейный сервиз. Ее ждало разочарование. Словоохотливая владелица «Комка» обвела рукой сплошь заставленные посудой, статуэтками, сервизами и хрусталем полки, вздохнула и сказала, что взять что-то «в деньги», об этом не может быть и речи, только на комиссию, да и то неизвестно, когда все это продается, спрос в последнее время резко упал, денег у народа не стало. В утешение она дала Анне Вячеславовне телефон какого-то антиквара, который может приехать на дом и купить все за живые деньги, но, конечно, дешевле. Анна Вячеславовна побрела домой.

Дома она после некоторого раздумья набрала записанный номер. Посторонних людей в доме она не любила, но тут уж деваться было некуда. Голос в телефонной трубке внушал доверие. Он выслушал Анну Вячеславовну, уточнил кое-какие детали, записал адрес и пообещал подъехать сегодня же, во второй половине дня. Часа через два в домофон позвонили. Анна Вячеславовна нажала кнопку и отперла входную дверь. Антиквар оказался сравнительно молодым человеком приятной наружности, живым, общительным и располагающим к себе. «Ну, показывайте, что у вас тут есть», — по-хозяйски огляделся он. Анна Вячеславовна показала статуэтку. «А вот это что? А это?» — продолжал спрашивать тот, выгребая из горки все новые и новые предметы. Анна Вячеславовна заикнулась было, что ничего больше она продавать не собирается, ей бы только до пенсии дожить. «А перед следующей пенсией снова ко мне позвоните? Что ж я и буду каждый раз так за одной вещью ездить? Давайте создадим задел, чтоб у вас был небольшой капитал на черный день», — молодой человек звучал убедительно. К тому же Анна Вячеславовна чувствовала, как на нее накатывает усталость, сегодня днем ей так и не удалось вздремнуть после обеда со своим любимым Диккенсом. Сил сопротивляться не было. В конце концов, подумала она, сын после ее смерти все равно все будет распродавать и раздаривать, не повезет же он это в Ленинград. Пару раз она у него в последние годы гостила. Невестка (второй брак, моложе Саши на пятнадцать лет, и опять нет детей) старательно следила за модой, и квартира у них была вся какая-то суперсовременная, с дурацкой, придуманной популярным дизайнером планировкой, с большими пустыми пространствами (в квартире должен быть воздух, говорила Тася) и полным отсутствием старых вещей. Нет, сын все равно будет все продавать, решила она. «Что ж это у вас все Германия, все послевоенное, а настоящего антиквариата нет?» — спросил молодой человек. Анна Вячеславовна объяснила, что его у нее и быть не может. Жили они до войны в Ленинграде, а в блокаду, она тогда еще девчонкой была, все, что было сколько-нибудь ценного, выменяли на хлеб. А сестры мамины жили в Царском Селе, там немцы были, их угнали на работу в Германию. А когда они вернулись, в квартире ничего не было. Иконы очень жалко, сказала Анна Вячеславовна, они старинные были, намоленные. Молодой человек поддержал разговор. «Да, — сказал он задумчиво, — самые большие антикварные коллекции сложились именно в Ленинграде во время блокады. Как вообще вы все это пережили, ваше поколение?» Анна Вячеславовна вспомнила вдруг, как в квартире, куда она с матерью пришла обменять на хлеб две кузнецовские статуэтки, кошка пила молоко из блюдечка на полу и как ей почти до обморока хотелось этого молока. Ей почему-то стало неприятно.

Молодой человек что-то подсчитывал на калькуляторе, проверял посуду на отсутствие трещин. «Вот за это все — пятнадцать тысяч триста рублей, — сказал он. Я даю

самую лучшую цену, спросите у кого хотите». От названной суммы у Анны Вячеславовны слегка закружилась голова. Чтобы немного выгадать время на размышление, она предложила молодому человеку чаю. «С удовольствием, — ответил тот, — с утра на ногах, пить хочется ужасно». Анна Вячеславовна пошла на кухню ставить чайник. Когда она вернулась с подносом, на котором стояли чашки, сахарница и корзинка с печеньем, молодой человек рассматривал книги. «Я смотрю, и книг у вас старых нет», — сказал он. Старых, антикварных книг у Анны Вячеславовны действительно не было. Зато были книги любимые.

Пока они пили чай, она рассказывала молодому человеку свою жизнь. Наверное, это было лишнее, но старым людям иногда так хочется что-то рассказать, и чтобы их слушали. Молодой человек слушал внимательно. «Мы с Алешей познакомились уже после войны, — рассказывала она, — он был фронтовик, герой, а я девчонка, школу только заканчивала. Как увидела его в сквере перед Казанским собором, он с друзьями был, так сразу и влюбилась. С первого взгляда. И он на меня внимание обратил, мы потом еще в Доме Зингера столкнулись, в книжном. Тогда и познакомились. Переписывались, а после выпускного сразу расписались. Я в Москву переехала. Он тогда в Академии Фрунзе учился. А в Ленинград они на экскурсию приезжали. Трудно жили, голодно. Комнату снимали, хозяева строгие были, а я ничего не умела. Но знаете, это такое счастливое время было, ничего потом лучше не было, даже в Германии. В Академии вечера устраивались, мы всегда ходили. Один раз приехал поэт Симонов, стихи свои читал и столько интересного рассказывал. Алеша к нему с книжкой подошел, он с ней на войне не расставался, потрепанная такая, в сорок втором издана, «Фронтовые стихи». Там и «Жди меня», и «Сын артиллериста», и «Ты помнишь, Алеша...» Мы все эти стихи наизусть знали».

Она сделала паузу и отхлебнула чая. Хотелось вспоминать и вспоминать. Молодой статный Алеша в ладно сидящей военной форме с боевыми наградами, красивый поэт с седыми висками и умными, немного грустными глазами, и рядом худенькая девчонка-блокадница в платье, слегка перешитом после выпускного. Платье было из белого парашютного шелка, купленного на барахолке, но об этом никто не догадывался. «И что потом?» — спросил молодой человек. «Алеша попросил его на книге расписаться. А тот, как узнал, что его зовут Алеша, написал: *Ты, конечно, помнишь, Алеша, дороги войны... Счастья тебе в мирной жизни!* На меня посмотрел и хитро так подмигнул». Молодой человек заинтересовался. «А увидеть автограф Симонова можно?» Анна Вячеславовна встала и подошла к книжным полкам. Достала тоненький ветхий сборник на желтой бумаге, старательно упакованный в пластиковый пакет, осторожно вынула и раскрыла первую страницу. Молодой человек внимательно разглядывал симоновский автограф, обратил внимание на год издания, перелистнул несколько страниц. «Добавлю за это тысячу двести, всего будет шестнадцать с половиной», — произнес он. «Что вы, что вы, — замахала руками Анна Вячеславовна, — это не продается». Молодой человек не стал настаивать.

«А наград у вашего мужа много было?» — спросил он. «Много, очень много, — ответила Анна Вячеславовна. — Он на войне в разведке был. У него два ордена Боевого Красного Знамени, две медали «За отвагу», еще «За боевые заслуги», ну и «За взятие Будапешта», еще чего-то, я уж и не помню». «А посмотреть можно?» — спросил молодой человек. Анна Вячеславовна покачала головой. «Это все у сына, в Ленинграде. Когда Алеша умер, я все ему отдала, пусть хранит».

Молодой человек попросил пачку старых газет и принялся паковать вещи. Анне Вячеславовне подумалось, что зря она отдает это блюдо, Алеша любил на нем к приходу

гостей красиво раскладывать фрукты. А в этом чайнике он заваривал удивительно вкусный чай. Она хотела было забрать то и другое, но молодой человек уже проворно запаковал все и аккуратно сложил в принесенную с собой сумку. Хрусталь он не взял. «Сейчас только цветной идет», — пояснил он. Анна Вячеславовна порадовалась, что хотя бы ваза, в которую ко дню ее рождения Алеша всегда ставил охапку цветов, останется с ней. Молодой человек аккуратно отсчитал деньги и положил на стол. «Обращайтесь, — сказал он. — Можете подругам своим меня порекомендовать. Я всегда даю лучшую цену». Анне Вячеславовне хотелось, чтобы он поскорее ушел, и отчего-то было стыдно.

«Да, вы знаете, у меня к вам будет небольшая просьба, — сказал молодой человек. — У меня есть друг, он фанат Симонова, трясется над каждой его строчкой. Можно я возьму вашу книжечку на пару дней, другу покажу, он автограф сфотографирует. Через два дня верну. Коллекционеры, они знаете, сумасшедшие люди». Анна Вячеславовна хотела отказать, но язык не повернулся. Человек ведь действительно любит Симонова, ему важно этот автограф увидеть своими глазами. Не так много людей сейчас поэзию Симонова ценят. Вот и юбилей его столетний как-то незаметно прошел. Даже «Жди меня» по «Культуре» не показали. Молодой человек расценил молчание как согласие и быстро сунул книжку в сумку. Дверь лифта захлопнулась.

Через два дня он не появился. На пятый день Анна Вячеславовна позвонила ему сама. «Я в командировке, не в Москве, — ответил молодой человек. — Приеду через два дня — и сразу к вам с книжкой». После этого разговора прошла неделя. Анна Вячеславовна позвонила еще раз. «Да-да, я все помню, — ответил молодой человек. — Завтра я у вас». Так продолжалось с месяц. В конце концов, молодой человек предложил заменить утраченную книжку собранием сочинений Симонова. «Ну как вы не понимаете, — чуть не плакала Анна Вячеславовна, — там же автограф Симонова. Алеше. Это для меня так важно». Молодой человек помолчал в трубку. «Это всего лишь книга, — сказал он. — Стихи Симонова вы найдете в любом другом издании, и в Интернете их полно. А автограф, ну что автограф. Всего лишь несколько слов, написанных давно умершим человеком. У него даже могилы нет, прах по полю развеяли. Ну, извините, так получилось». После этого он перестал отвечать на звонки.

Анна Вячеславовна прожила ужасный месяц. Ее мучила совесть, она чувствовала себя предательницей — по отношению к Алеше, к совместно прожитым счастливым годам, к совместно нажитым вещам, не представлявшим антикварной ценности, но таким дорогим им обоим. «Прости меня, Алеша», — говорила она всякий раз, засыпая и просыпаясь. Вместо молитвы. Вскоре она слегла и больше уже не вставала. Сын приехал проводить заболевшую мать, нанял сиделку, веселую и разбитную молдаванку, постоянно пристававшую к Анне Вячеславовне с какими-то дурацкими шуточками, и совершенно не заметил изрядно опустевшей горки. А про автограф Симонова Анна Вячеславовна сказать ему побоялась. Да и ни к чему. Это касалось только ее и Алеши, с которым ей скоро предстояло увидеться.

2013

Выполните целостный анализ произведения Н.С. Литвинцев. При анализе примите во внимание следующие особенности его содержания и формы: способы выражения авторской оценки инцидента, положенного в основу сюжета; соединение трагического с повседневным. Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Задание 2

Для съемок документального фильма о поэтах и поэзии русских поэтов XX века напишите инструкцию для декоратора, содержащую подробное описание интерьера жилища лирического героя **ОДНОГО** из стихотворений. При составлении описания объясните ему важность использования указанных вами элементов архитектуры, мебели, предметов повседневного обихода для иллюстрации художественного мира стихотворения и внутреннего мира лирического героя, соответствующие эпохе и ситуации; обоснуйте их стилистическую соотнесенность с материальной культурой эпохи.

Николай Рубцов

Я умру в крещенские морозы

Я умру в крещенские морозы
Я умру, когда трещат березы
А весною ужас будет полный:
На погост речные хлынут волны!
Из моей затопленной могилы
Гроб всплывет, забытый и унылый
Разобьется с треском, и в потемки
Уплывут ужасные обломки

Сам не знаю, что это такое...
Я не верю вечности покоя!

1970

Владимир Высоцкий

Ноль семь

Эта ночь для меня вне закона,
Я пишу — по ночам больше тем.
Я хватаюсь за диск телефона —
Я набираю вечное ноль семь.

«Девушка, милая, как вас звать?» — «Тома.
Семьдесят вторая». Жду, дыхание затая...
«Быть не может, повторите, я уверен — дома!..
Вот уже ответили. Ну здравствуй, это я!»

Эта ночь для меня вне закона,
Я не сплю — я прошу: «Поскорей!..
Почему мне в кредит, по талону
Предлагают любимых людей?

«Девушка, слушайте! Семьдесят вторая!
Не могу дождаться, и часы мои стоят...
К дьяволу все линии — я завтра улетаю!..
Вот уже ответили. Ну здравствуй, это я!»

Телефон для меня — как икона,
Телефонная книга — триптих,
Стала телефонистка мадонной,
Расстояние на миг сократив.

«Девушка, милая! Я прошу: продлите!
Вы теперь как ангел — не сходите ж с алтаря!
Самое главное — впереди, поймите...
Вот уже ответили. Ну здравствуй, это я!»

Что, опять повреждение на трассе?
Что, реле там с ячейкой шалют?
Мне плевать: буду ждать — я согласен
Начинать каждый вечер с нуля!

«Ноль семь, здравствуйте! Снова я». — «Да что вам?» —
«Нет, уже не нужно — нужен город Магадан.
Не даю вам слова, что звонить не буду снова,
Просто друг один — узнать, как он, бедняга, там...»

Эта ночь для меня вне закона —
Ночи все у меня не для сна.
А усну — мне приснится мадонна,
На кого-то похожа она.

«Девушка, милая! Снова я». — «Да что вам?» —
«Не могу дожидаться — жду дыхание затая...
Да, меня!.. Конечно, я!.. Да, я!.. Конечно, дома!» —
«Вызываю... Отвечайте...» — «Здравствуй, это я!»

1969

Арсений Тарковский

Вещи

Всё меньше тех вещей, среди которых
Я в детстве жил, на свете остаётся.
Где лампы-«молнии»? Где чёрный порошок?
Где чёрная вода со дна колодца?

Где «Остров мёртвых» в декадентской раме?
Где плюшевые красные диваны?
Где фотографии мужчин с усами?
Где тростниковые аэропланы?

Где Надсона чахоточный трёхдольник,
Визитки на красавцах-адвокатах,
Пахучие калоши «Треугольник»
И страусова нега плеч покатых?

Где кудри символистов полупьяных?
Где рослых футуристов затрапезы?

Где лозунги на липах и каштанах,
Бандитов сумасшедшие обрезы?

Где твёрдый знак и буква «ять» с «фитою»?
Одно ушло, другое изменилось,
И что не отделялось запятою,
То запятой и смертью отделилось.

Я сделал для грядущего так мало,
Но только по грядущему тоскую
И не желаю начинать сначала:
Быть может, я работал не впустую.

А где у новых спутников порука,
Что мне принадлежат они по праву?
Я посягаю на игрушки внука,
Хлеб правнуков, праправнукову славу.